

МУЗЫКА

Моск. правда - 2006 - 31 окт. - с. 5.

Такое когда еще услышишь?

В Большом зале консерватории состоялся филармонический концерт, который по праву можно считать историческим. Полностью был исполнен цикл Дмитрия Шостаковича - 24 прелюдии и фуги.

Дело в том, что этотopus великого композитора исполняется реже редкого. Многогранная и сложнейшая задача, а ответственность музыкант взваливает на себя огромную. Впрочем, следует сказать, сочинение было делом куда более трудным и ответственным. Ведь в любом случае его непременно стали бы сравнивать с наипервейшим аналогом — Хорошо темперированным клавиром И. С. Баха. Взяться за такое сочинение мог позволить себе лишь могучий талант в расцвете творческих сил. Так или иначе, никто до Шостаковича на подобное не решался, по крайней мере в русской музыке. Кстати, не случайно, конечно же, и то, что работа над циклом шла тогда, когда отмечалось 200-летие со дня смерти Баха (в 1950-м).

А первое исполнение состоялось в 1951-м в Ленинграде. Играла выдающаяся пианистка Татьяна Николаева. (Собственно, только она, кажется, и исполняла на публике этот цикл полностью.) Но еще до того Дмитрий Дмитриевич собственноручно представлял все 24 в Московской консерватории. А надобно иметь в виду, что написанное Шостаковичем-композитором было очевидно выше возможностей Шостаковича-пианиста... Замечательный русский композитор Родион Щедрин вспоминает о том событии: «Заметно было, что Шостакович страшно волнуется. Он допускал погрешности, не все получалось, как ему бы хотелось... Но, несмотря на это, цикл оставался грандиозное впечатление. Наверное, тогда-то у меня возникла мечта написать подоб-

ный цикл». Словно возвращаясь в свою молодость, рассказывал Щедрин об этом несколько лет назад в Рахманиновском зале — перед потрясающим концертом, в котором семь лауреатных учеников профессора Сергея Доренского сыграли 24 прелюдии и фуги Щедрина — дюжину бемольных и дюжину диэзных. Я это упомянул к тому, что истинно великое способствует рождению нового великого, а стало быть, не рвется нить, какой бы длины ни была — два века или значительно более того.

...А нынче в БЗК играл один из лучших пианистов современности — Константин Лифшиц. Года два назад он представил здесь в незабываемом концерте 24 прелюдии и фуги Баха и вот теперь — Шостаковича. В год столетия композитора.

Играл по нотам — иначе и представить себе невозможно. Интересно было наблюдать в начале каждого из трех отделений, как в полной, абсолютной тишине пианист перебирает листы, словно в ускоренном темпе прокручивает все, что предстоит играть в ближайший час. А потом снова переворачивает ноты слева направо — и полилась музыка!

Признаться, не покидает мысль: какая отвага должна была жить в сердце битого большевистской властью композитора, чтобы он решился писать и отдавать на публичное исполнение такую музыку. Нет в ней исторического оптимизма всепожирательного социализма! Хоть с микроскопом ищи, хоть с прожектором — нету. А вот Лифшиц сыграл так, что песенная природа тем отчетливо

слышна, интонации крестьянского (не колхозного!) фольклора очевидны, мелодическое и ритмическое богатство — только успевай удерживать в себе. Сказать по правде, это смогли не все: после первого отделения, да и после второго в зале появлялись «проплешины». Впрочем, большая (ударение на «о»!) часть слушателей внимала этой музыке до конца. Перефразируя пушкинского Моцарта: «Нас много избранных!» Иные, заметил, слушали, держа перед собою ноты, — понимаю этих профессионалов: когда еще такое услышишь? Может, и никогда. А самый последний аккорд звучал долго-долго. Пианист уже убрал руки с клавиатуры, откинулся и только придерживал педаль, чтобы продлить, продлить, продлить...

Была овация. Константин Лифшиц выходил на короткие поклоны своей неповторимой походкой — то ли чуть покачивающейся, то ли едва заметно прихрамывающей, — словно худший медвежонок. Он не скрывал, что доволен — и самой музыкой, разумеется, и тем, как ее сыграл. Давно слежу за ним, стараясь не пропускать концертов в Москве, и заметил: он никогда не выставляет себя на сцене этаким полубогом, не заносится.

Когда возле гардероба натягивал на плечи куртку, стоявшая рядом пожилая дама вдруг сказала: «Наш мальчик!» Я недоуменно взглянул на нее. (Ко мне ли обращалась? Да и что за мальчик? — Лифшицу уж тридцать стукнуло.) Она улыбнулась и с гордостью пояснила: «Он наш — в Электростали учился». И я постиг, что слова «наш мальчик» дорогого стоят, даже когда сказаны о звезде мирового уровня.

Леонид ГВОЗДЕВ.